

Ю. Б. СОЛОВЬЕВ

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНК
И ФРАНЦУЗСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ В ГОДЫ
ПЕРВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПОДЪЕМА В РОССИИ
(ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ГЕНЕРАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В РОССИИ»)**

В годы первого промышленного подъема в Россию устремились многомиллионные французские капиталы. Это не было стихийным процессом. С первыми признаками начавшегося подъема на авансцену выдвигаются такие столпы французского финансового мира, как Парижско-Нидерландский банк, Сосьете жeneralь, Национальная учетная контора и идущий рядом с ними Парижский международный банк. Последние два банка вместе с Ротшильдами вообще были пионерами французской капиталистической экспансии в России. В той или иной мере все эти банки участвуют в наиболее шумевших в годы подъема учредительствах. Возглавляя идущий в Россию из Франции капитал, эти банки — и в этом состоит отличительная черта их образа действий — стремятся установить тесный контакт с русскими банками и вообще финансовыми кругами, что им без труда и удается сделать. Совместная организация французским и русским финансовым капиталом промышленных дел или участие на основе взаимности в учреждаемых предприятиях становятся весьма частым явлением. Более того, на основе этих общих действий происходит образование устойчивых по своему составу франко-русских банковских группировок. Участники одной из них были Сосьете жeneralь и его партнеры с русской стороны — Русский торгово-промышленный, Петербургско-Азовский и Частный коммерческий банки. Спорадически с Сосьете жeneralь сотрудничал Учетно-ссудный банк, входивший, однако, во вторую группировку в составе Парижско-Нидерландского, Парижского международного и Петербургского международного банков.

Установление общности интересов банков создавало естественную предпосылку для образования монополии и ее организацион-

ного оформления, и с начала промышленного подъема делается ряд попыток такого рода.

В октябре 1896 г. в Париже учреждается «Генеральное общество для развития промышленности в России» («*Société Générale pour l'Industrie en Russie*»)¹. Его основателями были Петербургский международный банк, Парижский международный банк и Парижско-Нидерландский банк. Включая к тому же Национальную учетную контору и почти всю *Haute Banque*² в лице Готтингеров, Малле, Нефлиза, Верне, Гейне, Гудшо, Эфрусси, Бетмана, общество явилось объединением наиболее могущественных сил французского финансового мира. С русской стороны участниками объединения были, кроме Петербургского международного банка, Русский для внешней торговли банк и Московский торговый банк.

Почти следом же — в феврале 1897 г. — в Брюсселе под названием «Генеральное общество горной и металлургической промышленности в России» или «Русский Омниум» возникает другое банковское объединение, возглавляемое Сосьете жeneralь. В сущности, кроме Сосьете жeneralь, в «Омниуме» не было других представителей финансово-капиталистической верхушки Франции. Фирма «Бр. Дрейфус» в Париже, банкиры Гринбаум, Морис Понс из Лиона, бельгийская банкирская фирма «Филиппсон, Кассель и К^о» и брюссельский банкир И. Аллар, а также ряд других бельгийских, голландских и австрийских участников были, конечно, ему неровня. В числе русских участников общества значились такие известные грюндерские институты как Учетно-ссудный банк, Русский торгово-промышленный³ и Петербургско-Азовский банки. Наконец, в апреле 1898 г. в Брюсселе создается Сосьете Финансьер рюс (*Société financière*

¹ В дальнейшем оно будет обозначаться в статье как «Генеральное общество».

² Парижская *Haute Banque* (в финансово-экономической литературе термин не переводится) занимала видное место во французской финансово-капиталистической системе. В *Haute Banque* входили старинные банкирские фирмы Ротшильдов, Готтингеров, Малле, Верне, Нефлиза, Кинен, Гейне, Гудшо, Эфрусси, Демаши и Селльер и некоторые другие. Вместе с наиболее сильными акционерными банками, депозитными и деловыми, *Haute Banque* составляла французскую финансовую верхушку (*Haute Finance*).

³ Е. Л. Грановский в книге «Монополистический капитализм в России» ([Л.], изд. «Прибой», 1929), упоминая об учреждении «Омниума», ошибочно называет вместо Русского торгово-промышленного Русский для внешней торговли банк, приняв указанного в «Торгово-промышленной газете» А. Рафаловича за Артемия Федоровича Рафаловича — члена правления Русского для внешней торговли банка. На самом деле это был Александр Федорович Рафалович — одип из заправил Русского торгово-промышленного банка, как, впрочем, и отмечено в той же «Торгово-промышленной

russe), в котором объединились грюндеры хотя и несколько меньшего калибра, но своей активностью и предприимчивостью превзошедшие иные крупные банки. Имена таких его участников, как Гектор Легрю, Эмиль Готэ, Фелисьеп Маес, К. Скальковский, С. Михайловский и Н. Нечаев — учредителей, членов правлений и участников многочисленных обществ — были в ту пору широко известны в промышленных и финансовых кругах России, Франции и Бельгии.

Важность изучения организации и деятельности этих финансовых обществ не нуждается в доказательствах. Приходится, однако, отметить, что их история остается пока что совершенно не освещенной ни в нашей, ни в зарубежной исторической литературе. У Е. Л. Грановского имеется лишь упоминание об «Омниуме» и «Генеральном обществе». Автор весьма высоко оценивает их значение, считая, что «в этих объединениях монополистическая форма получила законченное выражение», но на конкретном материале это положение не раскрывается. Вышедшая в свет с тех пор историческая литература не прибавила ничего нового к сообщенным Грановским сведениям, не исправила даже допущенных им фактических неточностей. Отчасти это, очевидно, объясняется тем, что историю этих банковских объединений можно было бы воссоздать по банковским же архивам. Но практически за это время сохранились в более или менее удовлетворительном состоянии архивы одного лишь Петербургского международного банка. Поэтому историю «Омниума», в котором Международный банк не участвовал, вряд ли вообще возможно восстановить. Лучше обстоит дело с «Генеральным обществом». Материалы, связанные с его организацией и деятельностью, представлены в архиве банка довольно полно, хотя в них и есть очень существенный пробел. Если корреспонденция французских партнеров банка, посвященная «Генеральному обществу», сохранилась хорошо, то относящиеся к этому предмету письма Ротштейпа и Коха, вернее их отпуски, исчезли, и потому о позиции и планах Международного банка мы можем судить лишь по тому косвенному отражению, какое они получали в письмах, приходивших из Франции. В целом сохранившиеся документы позволяют углубить наше представление об экспансии в России французского капитала, о применявшихся им методах, о характере отношений русских и французских банков, а это, в свою очередь, ведет к лучшему пониманию процесса формирования русского монополистического капитала.

газете» (1897, 13 февраля, стр. 4). Неверно указывается также место учреждения общества — то был не Париж, а Брюссель (см.: Торгово-промышленная газета, 1897, 11 февраля, стр. 3).

* * *

Еще в 1894 г. у главы фирмы «Н. И. и С. Бардак», входившей в руководящую группировку французской кулисы, Ноэли Бардака явилась мысль заняться введением на парижский денежный рынок акций русских промышленных предприятий. Одновременно Бардак через своего представителя Ж. Спицера пробует заинтересовать ею Ротштейна. Бардак считал также, что в обществе должны будут принять участие и «все здешние (т. е. парижские, — Ю. С.) крупнейшие банкиры и кредитные институты».⁴

Весь этот план вызвал у Ротштейна исключительный интерес. Он сообщил Ж. Спицера, что замысел парижских финансистов будет представлять интерес и для Витте.⁵ В результате имевших место переговоров решено было приобретать акции вызвавших интерес предприятий вместо того, чтобы прямо обращать их в собственность общества или же санировать их на этой же основе. Парижские участники — и в этом они видели свою главную задачу — должны были затем реализовать приобретенные пакеты в Париже и «открыть здесь рынок русским ценностям».⁶

Стремясь заинтересовать широкие финансовые круги Франции новым обществом, которое будет заниматься не отдельными предприятиями в России, а всей русской промышленностью в целом, инициативная группа считала, по-видимому, желательным, чтобы и в России в деятельности общества принимало участие по меньшей мере несколько банков. 13 апреля 1895 г. Ж. Спицер сообщил Ротштейну, что за несколько дней перед этим в Париже были начаты переговоры с одним из руководителей Петербургского учетного и ссудного банка Петрококино. Его согласие войти в состав правления можно было считать первым их результатом. К концу апреля все необходимое для образования общества было уже сделано и не ясно было только, кто его возглавит. Как единодушное желание французской стороны Ротштейну передавалось предложение взять на себя председательство или по крайней мере стать хотя бы вице-председателем.⁷ Все французские кандидатуры в правление были уже подобраны.⁸ Однако в самый последний момент уже казалось бы вполне налаженное дело дало осечку.

⁴ Ж. Спицер — А. Ю. Ротштейну 2/14 января 1895 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 129, л. 9 об.; тот же — тому же 16/28 января 1895 г.: там же, л. 12.

⁵ Ротштейн — Ж. Спицера 16/28 января 1895 г.: там же, д. 189, л. 291.

⁶ Ж. Спицер — Ротштейну 13/25 марта 1895 г.: там же, д. 129, л. 26 об.

⁷ Ж. Спицер — Ротштейну, 10/22 апреля 1895 г.: там же, л. 55 об.

⁸ На должность председателя или, в зависимости от решения Ротштейна, вице-председателя прочился Берже — представитель Национальной учетной конторы и группы Оттоманского банка. Далее в виду имелись Петрококино, Элиссен, по рекомендации Ж. Спицера, «президент и актив-

Еще 26 апреля 1895 г. Ж. Спицер телеграфировал Ротштейну, что на днях состоится учредительное собрание и что «все идет как будто бы очень хорошо».⁹ Правда, до посылки этой телеграммы на горизонте уже появилась одна черная точка в виде пожелания руководства Парижско-Нидерландского банка не объединяться в постоянное общество с неопределенными целями, а предпринимать совместные действия всякий раз, когда в перспективе будет учреждение какого-нибудь определенного предприятия. Ротштейн тогда на это ответил, что «мы желаем меньше заниматься самостоятельным учредительством, а скорее хотим крупного участия в солидных делах».¹⁰ Парижско-Нидерландский банк вовсе не составлял исключения, и в последний момент организации оппозитива, которая помешала осуществлению проекта в его первоначальном виде.

Встреченное противодействие имело причины самые разнообразные и несходные, даже прямо одна другой противоположные.

Главным диссидентом выступал все тот же Парижско-Нидерландский банк. Ж. Спицер взялся, наконец, объяснить смысл его поведения, который оказался весьма прост. Руководство банка, уже решившее широко и всерьез приняться за эксплуатацию России, ни с кем не собиралось делиться ожидаемыми выгодами. Оно целиком полагалось на силы и возможности своего банка. В этих обстоятельствах новое общество было бы или нежелательным конкурентом, или, в случае совместных действий, претендентом на часть добычи. А посему руководители банка, писал Ж. Спицер, «не усматривают в нем ничего, кроме ущерба для своих интересов».¹¹ Приманка в виде кооперации с крупнейшим русским банком была для них недейственной по той причине, что «Парижский банк и без того (без участия в обществе, — Ю. С.) совершенно уверен в вашем сотрудничестве и вашем влиянии

ный член многих промышленных обществ», де Мариси (de Marisy) «один из друзей и сотрудников» Элиссена А. Вокье (Henry Wocuer), Ашетт (Nachette) — член совета многих промышленных обществ с большими связями в металлургии. Кроме того, было намерено ввести в состав правления представителей Сосьете жeneral (предположительно Эли д'Оасселя или Бюрона), представителя Парижско-Нидерландского банка (намечался Штейгер — Steiger) и, возможно, еще Лионского кредита. В числе предлагаемых членов правления значился еще и Артур Рафалович. На должность директора Бардак выставлял кандидатуру самого Ж. Спицера. За исключением этих двух лиц, не представлявших в финансовом мире самостоятельных величин, все остальные представляли собой персональное воплощение верховных сил французского капитализма.

⁹ Телеграмма Ж. Спицера — Ротштейну 26 апреля/8 мая 1895 г.: там же, л. 59.

¹⁰ Телеграмма Ротштейна — Ж. Спицеру, 19 апреля/1 мая 1895 г.: там же, л. 58.

¹¹ Ж. Спицер — Ротштейну 28 апреля/10 мая 1895 г.: там же, л. 66.

в пользу его интересов». ¹² Чувствуя себя господином положения, руководство Парижско-Нидерландского банка было совершенно невосприимчиво к выставленным инициаторами контраргументам, вроде того, что общество, если оно возникнет, «разовьет русские дела в такой степени, что Парижский банк сможет извлечь из этого одну только пользу». ¹³ Банк не собирался менять на эти обещания свою уверенность в том, что он сможет обойтись и собственными силами, тем более считая гарантированной поддержку Ротштейна.

Прочие оппоненты в одной своей части полагали, что программа общества слишком не ясна и обширна, что в будущих его действиях нет никакой прямой цели, что следует подождать, пока не появится что-нибудь конкретное и определенное. Другие находили, что слишком велик проектируемый акционерный капитал — 10 млн фр.

Третьи считали, что нет надобности создавать общество — консорциума будет вполне достаточно. Всплыло и еще одно возражение, чрезвычайно примечательное и в свете дальнейших событий оказавшееся особенно серьезным. «Почему французское общество, бельгийская национальность была бы гораздо лучше и удобнее», ¹⁴ — формулировал его Спицер. В этом предложении раскрывалась одна из наиболее практиковавшихся французской буржуазией уловок в ее борьбе с фиском и вообще с теми стеснениями, которыми было окружено учреждение промышленного общества во Франции. Стеснения эти были, впрочем, не так уж значительны, но на фоне полного их отсутствия в Бельгии они воспринимались как нечто существенное.

Инициативная группа не была, впрочем, обескуражена таким ходом дел. Она успокаивала себя надеждой, что, несмотря на обилие всякого рода возражений и замечаний, в Париже «в действительности и всерьез чрезвычайно склонны ныне осуществить эту идею (создать общество, — Ю. С.) и каждый в отдельности убежден не только в своевременности этого, но и в том, что, если уж общество будет учреждено, каждый поспежит принять в нем как можно большее участие». ¹⁵

С мая 1895 г. начинается новый тур переговоров о создании общества. В центре их становится попытка войти в соглашение с Готтингерами — как одними из самых влиятельных представителей французской Haute Banque. Затягивало переговоры одно немаловажное обстоятельство. Глава фирмы упорно настаивал на том, чтобы общество было образовано не во Франции, а в Бель-

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 66 об.

¹⁴ Там же, л. 67.

¹⁵ Там же.

гии.¹⁶ Между тем Ротштейн, находясь в середине мая в Париже, придавал особенное значение тому, чтобы общество было учреждено во Франции, а никак не в Бельгии.¹⁷ Группа Готтингера, хотя и настаивала на принятии своих условий, не отказывалась от компромисса. Участие в предприятии, сулившем крупные прибыли, представляло для нее большой соблазн. 6/18 сентября в Париже состоялась встреча Бардака, барона Бетмана, представлявшего Готтингера, и Ротштейна. На ней было заключено окончательное письменное соглашение об учреждении проектируемого общества. Предметом деятельности общества в принятом уставе указывались «всевозможного рода промышленные и горнозаводские предприятия, изучение, приобретение, эксплуатация и осуществление всевозможных концессий, покупка и продажа всякого рода промышленных и горнозаводских предприятий и всевозможных транспортных предприятий; слияние с ними или участие в их работах и эксплуатации, покупка и продажа акций, облигаций, паев и всяких других ценностей промышленных, горнозаводских и торговых предприятий и т. д.»¹⁸ В уставе было также специально оговорено, что «деятельность общества будет направлена главным образом в сторону Российской империи», но что она «может быть распространена также на всякую другую страну».¹⁹ В качестве основателей этого всеобъемлющего по своим задачам предприятия выступали четыре группы: Ротштейн и «его друзья», Бетман и «его друзья», Оттоманский банк и Национальная учетная контора вместе с «их друзьями» и, наконец, фирма Бардак и «ее друзья».²⁰ Каждый из участников получал равную долю акционерного капитала, определявшегося в 5 млн фр. и оплаченного на первое время в размере одной его четверти. Будущее правление общества могло увеличить акционерный капитал до 15 млн фр. В одном из пунктов соглашения специально оговаривалось, что общество будет французским. Оставалось лишь исполнить некоторые формальности, связанные с его учреждением. Но, по желанию Ротштейна, это было отложено до тех пор, пока он не отыщет в России какое-нибудь прибыльное дело.²¹

В середине октября Бардак, по обыкновению через Ж. Спицера, предлагает Ротштейну план, который должен был повести к исполнению принятого соглашения.

¹⁶ Ж. Спицер — Ротштейну 21 мая/2 июня 1895 г.: там же, л. 72.

¹⁷ Там же, л. 72 об.

¹⁸ Проект устава: там же, д. 529, л. 6.

¹⁹ Там же.

²⁰ Протокол заседания у барона Бетмана, 18 сентября 1895 г.: там же, л. 2 об.

²¹ Ж. Спицер — Г. Спицеру 1/13 июля 1896 г.: там же, д. 207, л. 85 об. В этом письме Ж. Спицер неправильно указывает состав учредителей, не упоминая об Оттоманском банке и Национальной учетной конторе.

Осенью 1895 г. на Петербургской бирже, после продолжавшегося весь год ажиотажа вокруг промышленных ценностей, началось крутое понижение их курсов. У Бардака сразу же явилась мысль воспользоваться моментом и «дешево приобрести что-нибудь выгодное» и таким образом «вызвать к жизни наше давно проектируемое общество».²² Обстановка показалась ему настолько подходящей, что он предлагал учредить компанию, внося максимальную сумму акционерного капитала. «Этот увеличенный акционерный капитал, — пояснял Ж. Спицер идею своего патрона, — мог бы теперь найти там (в России, — Ю. С.), пожалуй, очень прибыльное и надежное применение».²³ Комбинация была задумана по всем правилам биржевой игры, и все же она не смогла увлечь Ротштейна.

В конце января Бардак, после ряда других проектов, выступает с новым предложением ввести в котировку Парижской биржи акции Русско-Китайского банка. Он предрекает этой операции «полнейший успех». Разжигая аппетиты Ротштейна, Ж. Спицер писал: «Настоящий момент представляется очень благоприятным для русских ценностей, так же и для нашего проекта относительно промышленного общества».²⁴ Спустя месяц обстановка кажется Бардаку более благоприятной, чем когда-либо. «По нашему мнению, — писал Ж. Спицер, — в ближайшее время тенденция должна быть очень благоприятной в отношении русских ценностей», и с согласия Ротштейна он был готов в 24 часа «устроить все дело».²⁵

Перед лицом всех этих настойчивых предложений и возражающего нетерпения Ротштейн оставался неизменно пассивен. Так продолжалось вплоть до марта 1896 г., когда Ротштейн написал в Париж, что план организации «треста» в его первоначальном виде ему больше не подходит.²⁶

Дело сводилось, собственно, к тому, что ему перестали подходить его прежние партнеры по этому предприятию, но отнюдь не оно само. Бардак и Бетман, на долю которых приходилась половина всего акционерного капитала общества, как представители влиятельных кругов биржи и Haute Vanque, теперь уже не могли идти в сравнение с новыми связями Петербургского международного банка. 1895 год был годом его сближения с такими силами французского финансово-предпринимательского мира, как Парижско-Нидерландский и Парижский международный банки. Имея

²² Ж. Спицер — Ротштейну 16/28 октября 1895 г.: там же, д. 129, л. 110.

²³ Там же, л. 110 об.

²⁴ Ж. Спицер — Ротштейну 19/31 января 1896 г.: там же, д. 207, л. 7—7 об.

²⁵ Ж. Спицер — Ротштейну 13/25 февраля 1896 г.: там же, л. 12 об.

²⁶ Ж. Спицер — Ротштейну 23 февраля/6 марта 1896 г.: там же, л. 14 об.

те же цели, что и группа Бардака, новые партнеры Ротштейна далеко превосходили ее по своему могуществу, и Ротштейн счел за лучшее войти в кооперацию с ними, а не с фигурами второго плана, какими были в сравнении с ними Бардак и Бетман.

Решение это пришло не сразу. Позади него был большой опыт, накопленный в отношениях с обоими парижскими банками. В мае 1895 г. Парижско-Нидерландский, Парижский и Петербургский международный банки вместе с другими банками и финансовыми группами учреждают Российское золотопромышленное общество с капиталом в 5 млн руб. В его правлении заседают А. Ротштейн и директор-распорядитель Парижского международного банка Т. Ломбардо. Особое значение для развития отношений Парижско-Нидерландского и Петербургского международного банка имело их участие в организации Русско-Китайского банка, которому в планах его подлинного создателя Витте предстояло стать важнейшим инструментом русской политики на Дальнем Востоке. Замысел Витте получил практическое осуществление в ходе переговоров Нецлина и Ротштейна, выступавших соответственно главными представителями интересов французской и русской сторон.

Тесный контакт устанавливается и с Парижским международным банком. Начало его экспансии в России относится еще к 1891 г., когда совместно с Национальной учетной конторой банк перекупил у наследников Полякова контрольный пакет акций общества «Южнорусской каменноугольной промышленности». С тех пор сфера деятельности банка в России все расширялась. Т. Ломбардо называл себя создателем общества Юго-Восточных железных дорог, открывшего действия 15 июня 1893 г. Подхваченное волной ажиотажа вокруг русских дел, руководство банка торопится опередить своих соперников в эксплуатации огромной страны. К этому времени громадные сверхприбыли иностранного капитала срывал на развитии горного дела и металлургии. В 1895 г. металлургическая промышленность дала чистую прибыль в 26%.²⁷ Дивиденды некоторых предприятий в 90-е годы достигали 40—45%.²⁸ Привлекаемые этими прибылями капиталы, почти исключительно иностранного происхождения, хлынули в металлургию. В течение последних пяти лет века число металлургических предприятий утроилось, а сумма вложенных в них средств увеличилась в 5 раз.²⁹ Бурный рост переживала и угледобывающая промышленность. Эти отрасли и приобретают для банка главный интерес. Начинания его поставлены на широкую

²⁷ И. Гливиц. Железная промышленность в России. СПб., 1911, стр. 103.

²⁸ Там же, стр. 101.

²⁹ Там же, стр. 102.

погу. Центральное место в планах банковского руководства занимает создание большого сталелитейного предприятия в области Урала и Волги, стоимость которого исчислялась десятками миллионов франков. Затеявая подобного рода предприятия, оно стремится привлечь к ним Петербургский международный банк, который сам ищет случая утвердиться в металлургической и горной промышленности. На этой почве у них складывается империалистическая общность интересов, не прекратившая, разумеется, отношений конкуренции.

В 1895—1896 гг. возникают два параллельно развивающихся проекта создания крупных металлургических заводов, сооружаемых Никополь-Мариупольским обществом, в котором главенствующую роль играл Петербургский международный банк, и Урало-Волжским обществом, руководимым Парижским международным банком. Петербургский международный банк держал 4000 акций Урало-Волжского общества (часть из них была затем отдана на субучастия).³⁰ Равным образом Парижский международный банк имел 1600 акций Никополь-Мариупольского общества из общего их числа в 24 000.³¹ Важно подчеркнуть, что инициатива сближения исходила со стороны Парижского международного банка. «Вы знаете, как давно я желал найти случай устроить какое-нибудь дело с вашей помощью», — писал Ротштейну Ломбардо, один из руководителей банка, 4/16 июня 1895 г.³² Вскоре интересы обоих банков близко соприкоснулись в вопросе, которому каждый из них придавал капитальное значение: они оба оказались соперниками в области железнодорожного строительства в России.

В Парижском международном банке был задуман и начал уже выполняться план, который должен был сосредоточить в одних руках сооружение русских железных дорог экономического значения.

По-видимому, еще до заключения гарантированного Россией китайского займа 1895 г. русское правительство получило предложение о создании общества экономических железных дорог в России. Оно исходило от группы в составе Парижского международного банка, Парижско-Нидерландского банка, Брюссельского общества экономических железных дорог и Петербургского учетного и ссудного банка.³³ Это объединение предложило создать общество очень крупных размеров («La Constitution d'une Société tres importante»), способное добывать необходимые капиталы на более

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 439, л. 14.

³¹ Там же, д. 437, л. 39.

³² Ломбардо — Ротштейну 4/16 июня 1895 г.: там же, д. 198, л. 1.

³³ Ломбардо — Ротштейну 26 июля/7 августа 1895 г.: там же, л. 7 об.

благоприятных условиях, чем это могли делать отдельные и менее крупные предприятия.³⁴

Русское правительство должно было гарантировать большую часть капитала общества, который увеличивался бы в части как гарантированной, так и не гарантированной по мере получения новых концессий.³⁵ Наконец, следовало предложение создать в России один или несколько заводов для производства всех необходимых для строительства железных дорог материалов, а также подвижного состава.³⁶ «Международный капитал протянул уже свою руку и на Россию»,³⁷ — писал Ленин в 1896 г. И откровенно кабальная сущность поступившего проекта служит выразительной иллюстрацией этих ленинских слов. Несомненно, что русское правительство своей гарантией большей части громадного, как намечалось, капитала общества поставило бы себя в исключительную зависимость от него и поневоле должно было бы создать ему привилегированное положение, дабы не пришлось платить неустойку. Опасаясь установления гегемонии общества, русская сторона предпринимает ответный маневр.

В момент заключения китайского займа 1895 г. Лионский кредит, Готтингер и Нецлин получили приглашение принять участие в создании сети экономических железных дорог в России.³⁸ Таким путем в русских правительственных кругах рассчитывали вызвать конкуренцию между различными иностранными группами или хотя бы видимость ее. Ход этот не имел шансов на успех.

Во-первых, Нецлин передал сделанное ему предложение на рассмотрение Парижского международного банка, после чего «по необходимости» должен был отклонить его.³⁹ Во-вторых, Готтингер, взятый в отдельности, не представлял собою серьезного конкурента и поэтому никакой опасности с его стороны руководством Парижского международного банка не усматривалось.⁴⁰ И, в-третьих, само устройство и практика Лионского кредита делали маловероятным, чтобы он стал во главе строительного железнодорожного предприятия.⁴¹

Таково, приблизительно, было положение вещей, когда Ломбардо, находясь в июне в Петербурге и ведя там переговоры

³⁴ Э. Мэй — Ротштейну 8/20 августа 1895 г.: там же, л. 11 об.

³⁵ Там же, л. 12.

³⁶ Там же.

³⁷ В. И. Ленин. Проект и объяснения программы социал-демократической партии. Полн. собр. соч., т. 2, изд. 5-е, стр. 98.

³⁸ Ломбардо — Ротштейну 26 июля/7 августа 1895 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 198, л. 8.

³⁹ Там же, л. 8 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

с Ротштейном об интересовавших оба банка делах, упомянул среди прочего и о своем железнодорожном проекте. Сразу же выяснилось, что Ротштейн сам намеревается устроить нечто подобное.⁴² Не скрывая свою глубокую заинтересованность в этом вопросе, он посоветовал Ломбардо не спешить и, главное, не давать русскому правительству возможности разжечь конкуренцию, «которую оно пыталось создать».⁴³ «Дело достаточно велико, чтобы для всех хватило места с исключением всякой конкуренции, от которой выиграло бы одно правительство»,⁴⁴ — излагал Ломбардо основную мысль, высказанную тогда Ротштейном, от которой тот непосредственно перешел к предложению действовать совместно.

Практическое обсуждение создавшейся таким образом ситуации происходит уже в августе. Само по себе предложение Ротштейна действовать совместно Парижский международный банк принял с некоторым даже энтузиазмом, потому что присоединение Петербургского международного банка к задуманной в Париже комбинации сделало бы из нее силу, способную «бросить вызов всякой конкуренции»,⁴⁵ т. е. возможность установления полной монополии в области русского железнодорожного строительства вырисовывалась во всей ее определенности.

Весь вопрос заключался в том, войдет ли Ротштейн в парижское объединение, и если войдет, то на каких условиях. Относительно первого Ломбардо давал своему петербургскому корреспонденту понять, что парижская группа не возьмет обратно свои предложения, сделанные русскому правительству, и не оставит «воле свободным для всякой другой комбинации».⁴⁶ Вывод сделать было нетрудно. Ротштейну предлагали или присоединиться к парижской группе, или приобрести в ее лице могущественного соперника. Сам Ломбардо, заинтересованный в сотрудничестве Ротштейна, соблазнял его руководящим положением, которое займет Петербургский международный банк во французском объединении. Здесь парижский финансист приоткрывал завесу над некоторыми любопытными особенностями организации представляемой им группы. Парижский международный банк занимал в ней господствующее положение, действуя в согласии с Петербургским учетным банком, или, «точнее говоря, принимая во внимание мнение Дмитрия Ивановича (Петрококино, — Ю. С.)».⁴⁷ Это разъяснение имело целью показать Ротштейну, что он, не

⁴² Там же, л. 7.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, лл. 7—8.

⁴⁵ Там же, л. 10 об.

⁴⁶ Там же, л. 7 об.

⁴⁷ Там же, л. 10 об.

в пример Петрокино, стал бы руководителем группы наравне с Парижским международным банком. Но Ломбардо отнюдь не хотел, чтобы эта разниа открылась дирекции Учетного банка. «Нужно будет найти модус, который бы обеспечил вам преобладающее влияние, не напося обиды Дмитрию Ивановичу»,⁴⁸ — формулировал он Ротштейну деликатную задачу, которая могла стать перед Парижским международным банком. В случае, если эти условия покажутся Ротштейну неприемлемыми, Ломбардо просил его считать письмо как бы не существующим. При этом само собою подразумевалось, что такое решение поставило бы Петербургский международный банк перед перспективой нелегкой борьбы с парижским объединением. Ротштейн предпочел войти в обсуждение полученного предложения.

Главной проблемой, сразу возникшей в ходе переговоров, стал дележ будущей добычи. Оба международных банка уже далеко продвинулись в стадии монополистического развития. Тесно связанные с промышленным капиталом своих стран, они были заинтересованы не только в получении выгодных в финансовом отношении концессий, но и в том, чтобы они выполнялись предприятиями, входившими в их сферу влияния. В частности, общество экономических железных дорог в Брюсселе не спроста входило в состав парижской группы. Представляя собою объединение французских и бельгийских интересов, оно находилось в тесных отношениях с Парижским международным банком и должно было стать практическим исполнителем получаемых в России концессий. Точно такая же кандидатура имелаась и у Петербургского международного банка — это было Общество Русско-Балтийских вагонных заводов. Узнав об этом, президент Парижского международного банка Мэй сообщил Ротштейну, что парижская группа уже дала франко-бельгийскому обществу обязательство направлять ему заказы на поставку оборудования для постройки узкоколейных железных дорог.⁴⁹ Для Общества Русско-Балтийских заводов Ротштейну предлагалось производство подвижного состава.

Дальнейшие переговоры переносятся в Париж, куда Ротштейн отправился в сентябре, между прочим, и для принятия решения относительно франко-русского промышленного общества. На этом прямые сведения о дальнейшей судьбе проекта создания железнодорожного предприятия обрываются, но, как позволяет предположить ход событий 1896—1897 гг., задуманное осуществилось, хотя и в несколько видоизмененной форме. Пока что следует лишь отметить, что 24 июня 1896 г. Ломбардо и Ротштейн и свя-

⁴⁸ Там же, л. 9 об.

⁴⁹ Э. Мэй — Ротштейну 8/20 августа 1895 г.: там же, л. 12.

запные с ними лица подали в Министерство финансов прошение об учреждении общества «Железнодорожный парк», о котором подробнее будет сказано в соответствующем месте.

Совместные действия с Парижским международным банком и подали, видимо, Ротштейну мысль реорганизовать франко-русское промышленное общество, увеличив в нем значение своего банка.

В апреле 1896 г., когда Ломбардо явился с очередным визитом в Петербург, Ротштейн предложил ему войти в состав «треста». Какова была достигнутая ими договоренность — неизвестно, но в результате Ротштейн сообщает своим партнерам в Париж, что теперь он готов приступить к организации общества, однако возглавлять его должен Парижский международный банк.⁵⁰ Для Бардака, Бетмана и представляемых ими групп это было полной неожиданностью. Прежнее соотношение сил целиком опрокидывалось.

Чтобы дать место Парижскому международному банку, прежним участникам приходилось значительно потесниться. Помимо того, руководство этого банка в качестве предварительного условия своего выступления в общество выдвинуло требование одновременного принятия одного из крупнейших металлургических предприятий Франции — компании Шатильон-Коммантри. С нею у банка был контракт на совместные действия во всех горных и металлургических делах в России.⁵¹ В переговорах, которые велись между Бардаком и Ломбардо, сразу же встал и другой вопрос — каковы будут доли участия каждой заинтересованной группы.

Ротштейн еще до того, как произошла первая встреча двух парижских деятелей, потребовал себе половину акционерного капитала вместо $\frac{1}{4}$, полагавшейся ему по сентябрьскому соглашению 1895 г.⁵² Ломбардо и Бардак, в свою очередь, продолжали настаивать на прежнем распределении квот с той только разницей, что вместо Бетмана теперь значился Ломбардо.⁵³ Ссылаясь на то, что число французских участников будет «исключительно большим», они убеждали Ротштейна принять принцип равного участия групп-организаторов.⁵⁴ Но договориться по этому пункту оказалось труднее всего. Через три недели после начала переговоров было условлено, что Петербургский международный банк, Парижский международный банк и с ним вместе общество Шатильон-Коммантри, а также Бардак с его «друзьями» образуют

⁵⁰ Ж. Спизер — Г. Спизеру 1/13 июля 1896 г.: там же, д. 207, л. 86.

⁵¹ Ломбардо — Ротштейну 14/26 июня 1896 г.: там же, д. 198, л. 30.

⁵² Ж. Спизер — Ротштейну 16/28 апреля 1896 г.: там же, д. 207, л. 36 об.

⁵³ Ж. Спизер — Ротштейну 19 апреля/1 мая 1896 г.: там же, л. 41 об.

⁵⁴ Там же.

постоянный синдикат с целью изучения и реализации русских промышленных дел. Оттоманский банк и Национальная учетная контора более не фигурировали в качестве учредителей. Если с течением времени появится необходимость образования собственно «треста», то участники намеревались создать для этого особое общество.⁵⁵ Учредители принимали также на себя обязательство передавать в первую очередь обществу все свои начинания, а также побудить участвовать в нем связанные с ними группы, т. е. со стороны Парижа должны были быть представлены «крупные французские кредитные учреждения и фирмы парижской Haute Banque и т. д., и т. д.», а со стороны Петербурга — Учетно-ссудный банк и др.⁵⁶ Насчет взятых на себя Парижем обязательств Ж. Спицер специально отмечал, что привлечение указанных сил «особо для нашего общества имеет важность, так как мы в отношении сбыта приобретаемых нашим обществом акций зависим почти исключительно от Парижа».⁵⁷ Приведенные слова имели и то значение, что вопрос о долях участия учредителей все еще не был решен, и Ж. Спицер, объясняя, от кого будет зависеть сбыт акций, побуждал Ротштейна согласиться на принцип равного участия инициативных групп, дававший преобладание французской стороне, тогда как крайней уступкой, на которую шел Ротштейн, было соотношение 40% Петербургу и 60% Парижу.⁵⁸

На окончательном этапе переговоров Ротштейн сумел настоять на принятии предложенных им квот. 11/23 июня 1896 г. у Мэя в помещении Парижского международного банка состоялась встреча французской учредительской группы.

Прежде всего собравшимся пришлось принять решение по такому новому вопросу, как участие в обществе Парижско-Нидерландского банка. Переписка Ротштейна и его парижских корреспондентов не дает возможности установить, когда и у кого появилась идея о включении в состав учредителей этого нового участника. К моменту утверждения проекта банк уже дал согласие войти в общество, изменив, таким образом, свою прежнюю позицию в этом вопросе. Ему было выделено 10% акционерного капитала. Руководство Парижского международного банка желало, однако, чтобы новый участник был представлен в правлении в лице самого Нецлина. Парижско-Нидерландский банк соглашался и на это, но требовал взамен повышения доли его участия

⁵⁵ Ж. Спицер — Ротштейну 6/18 мая 1896 г.: там же, л. 61 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, л. 62 об.

⁵⁸ Телеграмма Ж. Спицера — Ротштейну 18/30 мая 1896 г.: там же, л. 58.

с 10 до 15%.⁵⁹ Развернувшийся торг оттянул организацию общества еще на несколько месяцев. Оно было образовано лишь 18/30 октября 1896 г.

По окончательной договоренности между Нецлином и Ломбардо Парижский международный банк вместе с обществом Шатильон-Коммантри, Парижско-Нидерландский банк и представленные Бетманом группы Haute Banque составляли учредительную группу с французской стороны.⁶⁰ В этом же порядке они получали соответственно 25, 20 и 15% акционерного капитала.⁶¹ В комбинации, где верховодили такие силы, как оба международных банка и Парижско-Нидерландский банк, французская Haute Banque была оттеснена на второй план.

По своему составу общество представляло собою объединение наиболее видных представителей банковского капитала Франции и России. Кроме Парижского международного банка (10 000 акций из 50 000) и Парижско-Нидерландского банка (3795 акций), среди французских участников значились фирмы Бардака (1950 акций), Бетмана (500 акций), Национальная учетная контора (1000 акций), фирмы Эфрусси (500 акций), Готтингера (500 акций), Малле (500 акций), Стерна (350 акций), Верне (500 акций), Нефлиза (500 акций).⁶² Роль первых двух банков, возглавляющих список, представляется тем большей, что, кроме указанных выше количеств акций, записанных на каждый банк, значительное число акций взяли члены их правлений. На имя Ломбардо было записано, например, 500 акций, на имя Мэя — 750 акций, Нецлин получил 600 акций. Среди русских участников на первом месте стоял, понятно, Петербургский международный банк (4700 акций, не считая 1000 акций, взятых Ротштейном, 500 — Дерненом, 500 — Нотгафтом, 750 — Кохом). К нему примыкали Московский торговый банк (1000 акций), Русский для внешней торговли банк (2000 акций), банкирский дом «Бр. Дзамгаровых», Лазарь и Лев Бродские (по 500 акций). Петербургский учетно-ссудный банк в обществе не участвовал, но на имя Д. Петрокино было записано 950 акций, 1000 акций была выделена для Ф. Петрокино. К числу крупных русских акционеров принадлежал кн. Юсупов (1000 акций).

Таким образом, с задержкой почти в два года идея Бардака осуществилась, и монополия была создана. Между тем положение, сложившееся в октябре 1896 г. на французском денежном рынке, как, впрочем, и во всем мире, не благоприятствовало началу дея-

⁵⁹ Ломбардо — Ротштейну 12/24 июня 1896 г.: там же, д. 198, л. 56.

⁶⁰ Ж. Спицер — Ротштейну 23 июля/4 августа 1896 г.: там же, д. 207, л. 90 об.

⁶¹ Там же, л. 91.

⁶² Там же, д. 868, л. 165.

тельности общества. «...Пока что — говорилось в относящемся к этому времени письме Ломбардо, — нечего почти и думать об устройстве новых дел, потому что наш рынок теперь, да и на долгое время в будущем, совершенно неспособен покупать новые ценные бумаги, какие бы они ни были, в особенности промышленные ценные бумаги».⁶³ Наблюдая подобную картину, Ломбардо «не мог не поздравить себя» в связи с тем, что «вопреки вашему и моему желанию» общество было основано с запозданием, иначе оно могло бы завязнуть в операциях, которые теперь, когда «буря свирепствует на всех рынках, особенно на вашем», было бы невозможно провести.⁶⁴ Предполагая, что эти условия установились надолго, Ломбардо обрисовал тот курс, которого, по его мнению, следовало придерживаться в деятельности общества. Он сходил с Бардаком в том отношении что начинать следует с предприятий уже работающих, котирующихся на Петербургской бирже,⁶⁵ акции которых можно будет купить по дешевой цене, особенно когда «понижение еще увеличит свои опустошения». Основание новых предприятий он предполагал отложить на будущее, но и их считал желательным устраивать за счет прибылей, которые надеялся получить на первых операциях, а не путем вложений имеющихся в наличии капиталов.⁶⁶ Другой вариант обуславливался тем, чтобы Петербург обеспечил почти все необходимые средства, потому что, уверял Ломбардо Ротштейна, «вы не нашли бы в настоящий момент в Париже капиталистов, согласных пойти на новое дело».⁶⁷ И так должно было быть, по его предположениям, по меньшей мере до конца года.

Намеченная Ломбардо программа ни в малейшей степени не означала свертывание активности банка в России. Наоборот, она совмещалась с усилением его экспансионистских устремлений.

Своего рода вехой в экспансии Парижского международного банка в России было полученное в это время разрешение основать Урало-Волжское металлургическое общество. Важнейшим его партнером в этом предприятии был Петербургский международный банк. «Мы слишком хорошо знаем, как были вы нам полезны в этих обстоятельствах»,⁶⁸ — писал его главе Ломбардо по случаю учреждения общества.

Но по мере проникновения Парижского международного банка в экономику России и расширения его планов его отноше-

⁶³ Ломбардо — Ротштейну 5/17 октября 1896 г.: там же, д. 198, лл. 78—79.

⁶⁴ Там же, л. 79.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, л. 79 об.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Ломбардо — Ротштейну 12/24 октября 1896 г.: там же, л. 82.

ния с Петербургским международным банком приобретают все большую сложность. Общность интересов в одних вопросах переплетается с борьбой в других. Воплощая в себе силы зреющего империализма обеих стран, оба банка строят свои отношения друг с другом на империалистической основе, в совместных действиях стараясь утвердить свою волю господствующей и подчинить ей партнера. Эти отношения во всей их сложности развертываются в начальный период существования «Генерального общества». Острые противоречия составляющих его групп, выявившиеся в долгий период его организации, получают в рамках общества новое продолжение в стремлении его участников занять в нем господствующее положение, в наибольшей степени поставить его на службу собственным интересам.

Со стороны Парижского международного банка это находит свое выражение в стремлении сделать компанию Шатильон-Коммантри поставщиком оборудования для предприятий, которые организует в будущем «Генеральное общество».

Точно такую же мысль, но уже в отношении связанных с Петербургским международным банком предприятий имел и Ротштейн. Намереваясь завладеть одним и тем же, обе конкурирующие силы вступают в напряженную борьбу между собою. Начало ей было положено предложением Ломбардо устроить при обществе Шатильон-Коммантри техническое бюро с задачей давать заключения о проектах, представляемых «Генеральному обществу».

Суть предложения была, конечно, не в том, чтобы общество давало одни только заключения. Это был лишь предлог для того, чтобы передать Шатильон-Коммантри исполнение всего проекта, если последний будет принят. Так это и было понято Ротштейном, ответившим Ломбардо 18/30 ноября решительным отказом.⁶⁹ Приязания Ротштейна побудили Ломбардо дать оценку положения, занимаемого в обществе французской и русской стороной. Отбросив в сторону всякую дипломатию, он разъяснил Ротштейну, какие последствия влечет за собою финансовое преобладание Парижа во франко-русской комбинации.

Цель общества, считал Ломбардо, заключалась в том, чтобы размещать во Франции акции русских предприятий. «А эта программа, — делал Ломбардо первый вывод, — как с точки зрения финансовой, так и технической, влечет за собой необходимость постоянного содействия французского промышленного предприятия наивысшего класса».⁷⁰ Второй вывод заключался в том, что всякая возможность выступления в этой роли русского предприя-

⁶⁹ Ломбардо — Ротштейну 17/29 ноября 1896 г.: там же, л. 93.

⁷⁰ Первое письмо Ломбардо — Ротштейну, 25 ноября/7 декабря 1896 г.: там же, л. 95.

тия совершенно исключалась. «Вы мне говорите о помощи ваших друзей в России. . . , — писал Ломбардо по этому поводу, — я могу сказать, что промышленность в России еще не достигла той степени совершенства, чтобы мы могли помыслить попросить какое-нибудь существующее русское промышленное предприятие поставить нам дело на ноги». Чтобы Ротштейн окончательно уяснил себе ситуацию, Ломбардо, переходя уже на неприкрыто категорический тон, заявлял: «. . . ибо я обязан, прежде всего, отстранить, не останавливаясь на этом особо, всякую помощь, которая не была бы исключительно французской».⁷¹ Он окончательно побивал своего оппонента аргументом, против которого Ротштейну, как представителю более слабой капиталистической силы, нечего было возразить. Даже и в том случае, когда предприятие, капиталы которого должны были быть собраны во Франции, патронировалось бы действительно компетентной иностранной фирмой, но мало известной во Франции, то и тогда «наша публика не пойдет». Без французской промышленной марки, «если мы приступим к реорганизациям или учредительству, мы кончим иммобилизациями не поддающейся учету продолжительности, если только мы не будем иметь в основе наших действий единственно лишь силу денежного рынка Петербурга или иностранных денежных рынков. Но тогда имело ли смысл создавать наше общество?» — спрашивал Ломбардо.⁷²

Вполне сознаваемое и умело используемое Ломбардо финансовое превосходство французской группы облегчало ему борьбу с более слабым конкурентом. Но Ломбардо готовился и к борьбе другого рода — с равными по силе противниками. Ведя атаку на Ротштейна, он не терял из виду необходимость обеспечить свои интересы прежде всего со стороны членов французской группы. И в этом случае Петербургский международный банк из противника делался союзником, потому что именно с его помощью Ломбардо надеялся утвердить свой банк в обществе, как господствующую силу.

Подобная комбинация становилась тем более реальной, что Ротштейн, по-видимому, опасался оказаться в обществе в изоляции. Между обоими партнерами имел место заблаговременный обмен мнениями, и было выяснено их обоюдное желание совместными усилиями установить в обществе гегемонию двух международных банков — Парижского и Петербургского.⁷³

Инициативу придать этому замыслу практическое содержание взял на себя Ломбардо. В тот самый день, когда он написал в Пе-

⁷¹ Там же, л. 94 об.

⁷² Там же, л. 97 об.

⁷³ Второе письмо Ломбардо — Ротштейну 25 ноября/7 декабря 1896 г.: там же, л. 105.

тербург письмо с объяснением, какую роль будет играть общество Шатильон-Коммантри в деятельности «Генерального общества», он пишет Ротштейну еще одно письмо, которое он просил рассматривать как строго секретное. «Нелегкая это вещь сохранять сплоченность между разрозненными элементами, которые мы собрали в Париже, и эта задача была бы, очевидно, свыше моих сил, если бы я не мог рассчитывать на вашу поддержку»,⁷⁴ — вначале в несколько иносказательной форме излагал он свои намерения. Эта поддержка требовалась в вопросе о выборе председателя общества. Ломбардо вообще предпочел бы обойтись без него, ибо сильный председатель был бы для него «вечным стеснением». ⁷⁵ Если все же Ротштейн будет против, он предлагал найти на этот пост лицо, которое не было бы связано ни с одной группой, входящей в общество, — дело «достаточно трудное и деликатное», — оговаривался Ломбардо. Но прежде всего поддержка Петербургского международного банка требовалась в отношении компании Шатильон-Коммантри, потому что на ее участии в «Генеральном обществе» и строился весь расчет на установление в нем преобладающего влияния обоих блокировавшихся банков. В случае соглашения с компанией, ее представитель Леон Леви вошел бы в правление общества. «Леон Леви, — выкладывал Ломбардо все карты на стол, — наш друг. Это человек совершенно надежный и не станет делать ничего, о чем мы с ним предварительно не условимся. . . и вес, который имеет технический элемент в чисто финансовом окружении, находясь на нашей стороне, всегда будет обращать баланс в нашу пользу». ⁷⁶ Всякий раз, когда дискуссия перейдет на техническую почву, где решающий голос будет принадлежать технически подготовленному лицу, — продолжал развивать Ломбардо свой замысел, «нам только и останется, что принять, как будет казаться, взгляды другого, не выдавая, что они внушены нами же». ⁷⁷

Проявившиеся отношения взаимного соперничества в той обостренной его форме, которую несла с собой наступающая эпоха империализма, агрессивное желание поставить партнера в неравноправное положение и устроить свои дела за его счет предопределили новые столкновения интересов и планов участников «Генерального общества». Всякое их совместное действие имело своим фоном напряженную междоусобную борьбу за наибольшую долю выгод и наименьший риск в том или другом предприятии. В силу самого устройства общества эти противоречия проявили себя прежде всего как противоречия между его парижской и пе-

⁷⁴ Там же, л. 103.

⁷⁵ Там же, л. 104.

⁷⁶ Там же, л. 105.

⁷⁷ Там же, л. 105 об.

тербургской группами. Согласно достигнутой договоренности, инициатива устройства дел принадлежала в основном Петербургу, а выбор Ротштейна в свою очередь диктовался интересами главным образом его банка. Парижские дельцы с первых же шагов стали относиться весьма разборчиво к поступающим от него предложениям. От Ротштейна они ожидали организации выступлений, обещавших быстрый и верный успех в соединении с большой прибылью.

В качестве одного из первых дел Ротштейн предложил парижской группе принять участие в строительстве Никополь-Мариуольского завода. Это было одно из наиболее близкостоящих к банку предприятий. Обстоятельства сложились так, что его акции принадлежали в немалом количестве ненадежным держателям, были, по словам Ротштейна «в слабых руках».

Считая это «чрезвычайно тягостным», он был заинтересован в том, чтобы распределить большинство акций среди капиталистов, в той или иной мере связанных с ним и известных ему.⁷⁸ Обратившись в Париж, Ротштейн встретил там благоприятный прием.⁷⁹ Один лишь Парижский международный банк взял себе 1600 акций, из коих 700 «уступил» своему окружению.⁸⁰ Делая эти приобретения, французские акционеры рассчитывали на «серьезную прибыль».⁸¹

Но от Ротштейна в этот момент требовалось нечто более значительное. Ж. Спицер писал ему о «быстро реализуемой операции», которая установила бы в Париже «нашу репутацию».⁸²

Спустя непродолжительное время Спицеру представляется возможность конкретизировать свои соображения. «Весь свет теперь говорит, как вам известно, об обществе Китайско-Восточной железной дороги», — писал он Ротштейну 15/27 января 1897 г.⁸³ Выпуск «облигаций и т. д., и т. п.» для финансирования строительства дороги и должен был дать начало успешному разветвлению деятельности общества.

Как ни велик был сам по себе такой объект, как Китайско-Восточная железная дорога, он составлял лишь часть другого более обширного плана. В качестве его автора Ж. Спицер называл барона Бетмана. Давний замысел последнего состоял в том, чтобы получить в эксплуатацию русские государственные желез-

⁷⁸ Ротштейн — Вольгемуту, 26 августа/7 сентября 1897 г.: там же, д. 68, лл. 144—145.

⁷⁹ Ж. Спицер — Ротштейну 9/21 января 1897 г.: там же, д. 878, л. 9.

⁸⁰ Ломбардо — Ротштейну 10/22 июля 1897 г.: там же, д. 226, л. 9.

⁸¹ Там же, л. 9 об.

⁸² Ж. Спицер — Ротштейну 26 декабря/7 января 1897 г.: там же, д. 207, л. 201.

⁸³ Ж. Спицер — Ротштейну: там же, д. 878, л. 14 об.

ные дороги. Он считал, что в недалеком будущем в России окажутся вынужденными пойти на создание одного или нескольких обществ по эксплуатации железных дорог, которые возьмут в аренду не только уже существующие пути, но и займутся за свой счет строительством новых.⁸⁴

Пока что это был только прогноз, и Ротштейн на него, видимо, даже не отозвался. По поводу же предложения сделать французский капитал участником строительства КВЖД, Ротштейн, хорошо зная, какие планы связываются с нею в правительственных верхах России, ответил в неблагоприятном смысле, хотя и весьма уклончиво.⁸⁵

Еще не дождавшись этого ответа, Ж. Спицер шлет ему новые предложения. Бардак и Бетман изъявили желание купить акции Петербургского международного и Учетно-ссудного банков, чтобы затем ввести их в котировку Парижской биржи.⁸⁶ «Здесь много говорят о завершении большого дела Крезе и Парижского банка», — писал Ж. Спицер далее, подразумеваемая намеченное строительство Волжско-Вишерского металлургического завода и интересуясь возможностью пристроить общество к этому предприятию.⁸⁷

Но того «большого объекта», который должен был дать Петербург, так и не появлялось. После Никополь-Мариупольского общества и некоторых других предложений следующим рекомендованным Ротштейном делом была реорганизация металлургического завода в Тамбовской губернии, принадлежавшего генералу Н. Н. Шипову, а с 1897 г. взятого в правительственную администрацию.⁸⁸ Ко времени, когда Ротштейн обратился с этим в Париж, дирекция Петербургского международного банка далеко еще не была уверена в выгодности намечавшейся операции.⁸⁹ Поступившее предложение рассматривалось на заседании совета в Париже 19/31 марта 1897, и, ввиду слишком длительной иммобилизации капиталов, с которой было связано исполнение проекта, оно было отклонено.⁹⁰ Поясняя это решение, Ломбардо писал Ротштейну, что начинаниям такого рода времена не благоприят-

⁸⁴ Там же, лл. 15—15 об.

⁸⁵ Ж. Спицер — Ротштейну 21 января/2 февраля 1897 г.: там же, л. 30 об.

⁸⁶ Ж. Спицер — Ротштейну 18/30 января 1897 г.: там же, л. 22.

⁸⁷ Там же, л. 23—23 об.

⁸⁸ Подробные сведения о том, что представляло собой «Общество Шиповских заводов», содержатся в статье И. Ф. Гиндина «Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства» (Исторические записки, т. 35, М., 1950, стр. 96—99).

⁸⁹ А. Кох — Ротштейну 13/25 февраля 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 71, л. 8 об.

⁹⁰ Протокол заседания правления «Генерального общества» от 19/31 марта 1897 г.: там же, д. 868, л. 74.

ствуют, и биржи, Петербургская в особенности, очень плохо настроены в отношении промышленных ценностей и поэтому вообще все подобные дела следует рассматривать прежде всего как долгосрочную иммобилизацию капиталов, приемлемую лишь в том случае, если предполагаемая прибыль будет равна минимум 12—15%.⁹¹

В представлении парижской группы этим условиям особой выгоды соответствовало другое поступившее из Петербурга предложение — участвовать в Обществе «Железнодорожный парк». Принимая во внимание, что капитал нового общества, акционерный и облигационный, должен был составить 45 млн руб., следует признать, что ему предстояло стать крупнейшим русским акционерным предприятием тех лет. На эти средства сооружались паровозо- и вагоностроительные заводы и создавался парк в несколько сотен паровозов и тысяч вагонов, которые намечалось сдавать в аренду всем нуждающимся в подвижном составе. При обсуждении устава и целей учреждаемого предприятия в Министерстве финансов отмечалось «громкое общегосударственное значение деятельности настоящего общества».⁹² Впрочем, министерство не собиралось препятствовать сосредоточению в одних руках столь огромной экономической силы, и 4 июля 1897 г. было дано разрешение организовать общество.

Однако, согласно данной Ломбардо Совету правления «Генерального общества» информации, оно приступило к действиям лишь после заключения русским правительством контракта, который изменил бы «к удовлетворению основателей» железнодорожные тарифы и обеспечил им другие льготы.⁹³ Питая уверенность, что капиталовложения в подобное предприятие дадут верный доход, парижская группа решила взять на себя 1 млн из первоначального акционерного капитала «Парка» в 3 млн (остальные средства предполагалось собрать в несколько приемов), оговорив свое согласие достижением обусловленной договоренности с правительством.⁹⁴

Особую заинтересованность в этом деле обнаружил Парижский международный банк. Он был организатором «Парка» наравне с Петербургским международным банком. Как было указано в протоколе Парижского совета «Генерального общества»,

⁹¹ Ломбардо — Ротштейну 21 марта/2 апреля 1897 г.: там же, д. 226, л. 2—2 об.

⁹² Докладная записка неизвестного лица об уставе общества «Железнодорожный парк»: ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 4, д. 113, л. 52 об.

⁹³ Протокол заседания правления «Генерального общества» от 19/31 марта 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 868, л. 74. Обсуждение этого вопроса тянулось в правительственных инстанциях до начала кризиса, который сделал весь проект беспредметным.

⁹⁴ Там же.

во время одной из очередных поездок в Петербург Ломбардо выяснил, что оба банка параллельно готовят проекты почти одинаковых предприятий, и тогда Ротштейн и Ломбардо решили объединить свои проекты.⁹⁵ Нам представляется, что речь здесь шла именно о том самом плане создания громадного железнодорожного общества, который был задуман в Парижском международном банке и который, как узнал Ломбардо по приезду в Петербург в июне 1895 г., соответствовал собственным замыслам Ротштейна, предложившего Ломбардо объединиться. Правда, основной деятельностью общества стало не сооружение железных дорог, а сдача в аренду подвижного состава. Но вместе с тем новое общество должно было заняться производством, и притом в громадных масштабах, паровозов и вагонов, что также входило в круг деятельности первоначально задуманного предприятия. А вместо требования гарантировать капитал теперь стояло требование изменить железнодорожные тарифы так, чтобы на 45 млн капитала получался бы верный и достаточно высокий доход. Собственно, это и было основной идеей первоначального проекта, который, обретя теперь иную форму, полностью сохранил свою сущность.

Проведение объединенного дела по всем министерским лабиринтам было предоставлено Ротштейну, и он сохранил за собою руководство им, предоставив Парижу треть акций. Такое распределение далеко не удовлетворяло аппетиты парижской группы, и Ломбардо, поняв из некоторых высказываний Ротштейна, что тот хотел бы ввести акции «Парка» в котировку Парижской биржи, «посоветовал» ему проявить большую щедрость в отношении французского элемента. Впрочем, одним лишь увеличением французской квоты его претензии не ограничивались. Он определенно собирался устроить из «Парка» своего рода кондоминиум. «Правление («Парка», — Ю. С.), составленное исключительно из специалистов и русских, сделало бы трудным, если не сказать невозможным делом акклиматизацию акций в Париже», — заявлял он Ротштейну и предлагал предоставить два места в правлении парижским финансистам или промышленникам.⁹⁶ Но добиться принятия подобных требований в условиях, когда активная роль в деле принадлежала Ротштейну, было нелегко, и в Париже намечается тенденция наряду с Петербургом взять на себя инициативу в устройстве тех или иных предприятий.

Первым признаком этого было предложение, поступившее обществу от Парижского международного банка и заключавшееся в приобретении и преобразовании в акционерную компанию ору-

⁹⁵ Там же, л. 73.

⁹⁶ Ломбардо — Ротштейну 15/27 июля 1897 г.: там же, д. 226, л. 11.

жейных заводов в Туле.⁹⁷ По тем временам это было огромное предприятие. Число занятых на нем рабочих достигало 7000 человек.⁹⁸ Соответственно и суммы, которые требовались для покупки заводов, были весьма значительны. Владельцы желали получить в уплату 4.5 млн руб. и, кроме того, 2.5 млн руб. должно было уйти на создание оборотных средств.⁹⁹ Но Ломбардо при крупных затратах ожидал и крупных выгод и находил дело блестящим.¹⁰⁰

Не так были настроены в Петербурге. Ротштейн и Кох отнеслись к инициативе Парижского международного банка весьма скептически.¹⁰¹ По их сведениям, тульские оружейные заводы в прошлом действительно приносили большие прибыли, но ныне не имеют новых заказов и могут их вообще не получить, так как казна построила на свой счет патронную фабрику в Луганске.¹⁰² Поэтому Ротштейн отказался от предложенной ему квоты участия в размере 36%.¹⁰³ В Париже это вызвало самую обостренную реакцию. Ломбардо воспользовался противодействием Петербургского международного банка, чтобы высказать свое мнение об итогах существования «Генерального общества» и дальнейших его перспективах. «Я решительно думаю, — писал он, — что очень трудно, если не вовсе невозможно, делать дела посредством нашего треста, и я заранее вижу его обреченным существовать только участиями, полученными то там, то здесь, или, за отсутствием таковых, умереть бесславной смертью».¹⁰⁴ Главный порок общества он усматривал в необходимости договариваться по поводу проведения каждой операции, т. е., как показал опыт, вести долгие переговоры между различными группами, прежде чем перейти к действию. По его мнению, решения должны были приниматься единолично лицом, пользующимся необходимым авторитетом. Практический смысл советов Ломбардо сводился к тому, что руководство обществом должно было быть сосредоточено в одном центре. Излишне добавлять, что этим центром он считал Париж. Пока же, не смущаясь занятой Ротштейном позицией, Ломбардо активизировал переговоры с владельцами тульских заводов.

⁹⁷ Ж. Спицер — Ротштейну 17/29 июля 1897 г.: там же, д. 878, л. 94.

⁹⁸ Там же, д. 70, л. 103.

⁹⁹ Протокол заседания правления «Генерального общества» от 26 июля/7 августа 1897 г.: там же, д. 868, л. 89.

¹⁰⁰ Ж. Спицер — Ротштейну 17/29 июля 1897 г.: там же, д. 878, л. 96 об.

¹⁰¹ Ротштейн — Ж. Спицеру 10/22 августа 1897 г.: там же, д. 70, лл. 69—70; А. Кох — Ротштейну в начале августа 1897 г.: там же, д. 71, л. 33.

¹⁰² Телеграмма А. Вебера — Ротштейну: там же, л. 59.

¹⁰³ Ж. Спицер — Ротштейну 21 августа/2 сентября 1897 г.: там же, д. 878, л. 111 об.

¹⁰⁴ Ломбардо — Ротштейну 8/20 августа 1897 г.: там же, д. 226, л. 13.

Вскоре же перед участниками «Генерального общества» возникла новая сложная проблема. В начале ноября обществу поступило самое крупное предложение со стороны за 1897 г. Не только самые размеры дела придавали ему значительность, но и лицо, его предложившее. Этим лицом был Ротшильд. Для его фирмы Россия представляла интерес с двух точек зрения: государственного кредита и добычи нефти. Начатые им переговоры с «Генеральным обществом» касались этого последнего предмета. На рассмотрение общества он представил комбинацию, касающуюся «Русского стандарта», общества жидкого топлива и расположенного поблизости от Грозного богатого месторождения нефти, принадлежавшего ростовскому миллионеру В. Р. Максимову.¹⁰⁵ Суть ее заключалась в том, что к двум первым обществам, где Ротшильд был полным хозяином и на которых он терпел крушные убытки,¹⁰⁶ он хотел присоединить и третье предприятие и с этой целью на протяжении полугода вел переговоры с его владельцем. Максимов запрашивал миллионы и в претендентах на его владение недостатка не было. Наиболее серьезным среди них Ротшильд считал группу бельгийских капиталистов, назначивших высшую сравнительно с ним цену.¹⁰⁷ Фирма, уже вложившая в первые два общества огромные капиталы, не была расположена идти на новые затраты. Вместо того «Генеральному обществу» предлагалось купить максимовское месторождение нефти, чтобы затем объединить его с «Русским стандартом».¹⁰⁸

Париж благоприятно отнесся к ротшильдовской комбинации, но о Петербурге этого сказать было нельзя. Ротштейн высказал о ней, по-видимому, настолько определенное отрицательное мнение, что его участие никак не могло входить в последующие расчеты ее участников. В конечном счете, отрицательная позиция, занятая Петербургским международным банком, не помешала французской группе продолжить переговоры с Ротшильдами в лице их представителей — Ж. Арона и Дейча. Вел их непосредственно сам Мэй.¹⁰⁹ В Париже еще не забыли случая с тульскими оружейными заводами, когда Ротштейн первоначально ответил отказом принять участие в этом предприятии, а впоследствии переменил свое решение. После упорного торга владельцы заводов по соглашению, подписанному 5/17 ноября 1897 г., про-

¹⁰⁵ Подробнее об этом см. статью С. И. Потолова в настоящем сборнике (стр. 116—118).

¹⁰⁶ Ж. Арон — Ротштейну 1/13 декабря 1897 г.: там же, д. 230, л. 5.

¹⁰⁷ Ж. Спизер — Ротштейну 27 октября/8 ноября 1897 г.: там же, д. 878. л. 133.

¹⁰⁸ Арон — Ротштейну 1/13 декабря 1897 г.: там же, д. 230, л. 5.

¹⁰⁹ Ж. Спизер — Г. Спизеру 22 ноября/4 декабря 1897 г.: там же, д. 224, л. 83 об.

дали их «Генеральному обществу», которое имело в виду подготовить на их основе новое общество с капиталом в 4 млн руб. и русским уставом: ¹¹⁰ Петербург и Париж соответственно поделили между собой акции в пропорции 40 и 60%.

Следует, впрочем, отметить, что нечто сходное произошло с реорганизацией шиповских заводов, в которой французские партнеры Петербургского международного банка первоначально участвовать отказались. Независимо от этого Ротштейн продолжал действовать, и в конце концов склонил Государственный банк к предложению весьма благоприятных условий продажи заводов. 27 ноября/9 декабря 1897 г. он послал в Париж телеграмму с уверением, что капиталовложения в это дело будут обеспечены прибылью свыше 10%.¹¹¹ «Тресту» (как часто именовал Ж. Спицер «Генеральное общество» в письмах к Ротштейну) предлагалось принять в нем участие в размере 50 тыс. руб., а на весь Париж отводилось не более 300 тыс. руб. из общего акционерного капитала в 1,5 млн руб. 28 ноября/10 декабря состоялось заседание совета общества, и поступившие из Петербурга предложения были приняты.¹¹²

И русская и французская финансово-капиталистические группы, имея далеко идущие планы в отношении русской промышленности, переживавшей период подъема, не могли их выполнить: одна — без постоянного и изобильного притока капиталов, другая — без знания и понимания местных условий, без столь необходимых в России связей в высших министерских сферах и самом правительстве. Такого рода взаимная корысть и была той цементирующей основой, на которой было воздвигнуто «Генеральное общество». Эта основа оставалась в неизменном виде, хотя общество и не приобрело того всеобъемлющего значения, какое вначале придавали ему учредители. Каждый его участник, воплощая в себе наиболее могущественные капиталистические силы своей страны, уже облакавшиеся в форму монополистического капитализма, стремился записать в нем господствующее положение и подчинить его своим интересам. На этой почве еще до учреждения общества между составлявшими его элементами

¹¹⁰ Там же, д. 463, л. 144.

¹¹¹ Там же, д. 878, л. 157 об.

¹¹² Ж. Спицер — Ротштейну 28 ноября/10 декабря 1897 г.: там же, л. 159. В конечном счете дело так и не состоялось. На посланном 1/13 декабря 1897 г. письме Международного банка Министерству финансов, в котором излагались условия, на каких банк соглашался приступить к реорганизации шиповских заводов, и которое было одобрено 29 ноября/11 декабря 1897 г. предполагаемыми акционерами нового общества, имеется сделанная рукой А. Вебера помета: «Аннулировано» (см.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 449, л. 69). В 1898 г. администрация сдала заводы в аренду обществу Коломенских заводов (см.: И. Ф. Гиндин, ук. соч., стр. 97).

возникает ряд острых конфликтов, продолжившихся и в период начавшейся его деятельности.

Утверждению в обществе гегемонии какой-нибудь одной группы или блока мешало и то обстоятельство, что по форме своей оно представляло собой свободное объединение вполне автономных и никакими обязательствами между собою не связанных групп. Они не пошли на образование сколько-нибудь значительного акционерного капитала, сохранив, таким образом, за собой полную свободу действий. И когда прояснилось, что центробежные силы в обществе преобладают, его участники активизировали свою деятельность вне его рамок.

В 1898 г. «Генеральное общество» фактически бездействовало. С 22 мая/3 июня по 10/22 ноября правление общества ни разу не собиралось.¹¹³ Еще в начале длительной приостановки дел Ломбардо предложил вообще распустить «Генеральное общество». «Я не вижу более ни того, что несчастное общество может делать, ни чем оно может жить, ни каков смысл его существования», — писал он Ротштейну 22 мая/3 июня.¹¹⁴ Ротштейн ответил тогда своему корреспонденту «длинным письмом», в котором, очевидно, была высказана другая точка зрения.¹¹⁵ Но Ломбардо не был настроен легко отказаться от своего плана. В ноябре он предложил Петербургскому международному банку создать Русский промышленный банк, который находился бы в Петербурге и имел бы агенства как в Париже, так и в Брюсселе. Капитал банка составлял 5 млн руб., целиком оплаченных.¹¹⁶ Основание нового банка в представлении Ломбардо было неразрывно связано с другим актом — роспуском «Генерального общества». Банк должен был возникнуть вместо и на месте этого общества, т. е. участниками его выступали те же самые элементы, которые входили в общество, «обреченное при своей настоящей форме на полное бессилие».¹¹⁷

Считая своей большой ошибкой основание «Генерального общества» с местопребыванием в Париже, а не в Петербурге, и, кроме того, находя неудачным самый принцип его устройства, когда руководители общества не были заняты исключительно им одним и поэтому не вникали в его деятельность и не управляли ею со знанием дела и с надлежащей степенью компетентности, Ломбардо предлагал создать в России «специальный орган», филиал, руководимый лицами «знающими и надежными».¹¹⁸ В их обязанности входило бы постоянно быть в курсе «всякого про-

¹¹³ Ж. Спидер — Ротштейну 10/22 ноября 1898 г.: там же, д. 463, л. 122.

¹¹⁴ Ломбардо — Ротштейну 22 мая/3 июня 1898 г.: там же, д. 236, л. 61.

¹¹⁵ Ломбардо — Ротштейну 4/16 июня 1898 г.: там же, л. 64.

¹¹⁶ Ломбардо — Коху 6/18 ноября 1898 г.: там же, л. 139 об.

¹¹⁷ Там же, л. 188 об.

¹¹⁸ Там же, л. 154 об.

мышленного движения в России» и выискивать все самое выгодное с той «свободой ума», которую «нам не позволяет иметь множественность и разнообразие дел, какими вы и мы должны ежедневно заниматься.¹¹⁹ Однако, как ни был Ломбардо настойчив, заставить руководство Петербургского международного банка изменить свое прежнее решение ему не удалось.¹²⁰

О причинах малого успеха общества, созданного, по словам Ломбардо, «с таким шумом», руководство Петербургского международного банка имело особое мнение. Сводилось оно, по-видимому, к тому, что французские участники «Генерального общества» старались использовать общество почти исключительно для своих надобностей, пренебрегая интересами и точкой зрения Петербурга.¹²¹ Ломбардо, естественно, не оставалось ничего другого, как принять все это к сведению. Так он и поступил, предвещая одновременно обществу полное фиаско во всей его дальнейшей деятельности. В подтверждение он ссылался, между прочим, на положение, сложившееся на французском денежном рынке: Последний, заявлял он, на протяжении 1897—1898 гг. был «в таком беспорядке», что попытки распространить на нем русские промышленные ценности «полностью или почти полностью потерпели неудачу». ¹²² Если бы обстановка обещала вскоре измениться, продолжал он, стоило бы сделать новые попытки, но «г. Мэй и я не предвидим, что в близком будущем может произойти изменение в положении рынка», ¹²³ т. е. общество не имеет никаких шансов оправдать свое существование.

По всей видимости, рисуя картину в таком свете, Ломбардо занимался сознательным преувеличением. Преувеличением было его утверждение, будто попытки распространить на французском денежном рынке русские промышленные ценности кончились неудачей. Годы, начиная с 1895—1896, были временем, когда как раз промышленные и главным образом иностранные ценности вошли в моду среди вкладчиков. И хотя рынок был настроен тревожно, чему содействовали и внешнеполитические события, тенденция его развития в изображении Ломбардо выступала в явно искаженном виде. Очевидно и то, что, предлагая вниманию руководства Петербургского международного банка свой план основания Русского промышленного банка, Ломбардо не был настроен так пессимистически относительно способности парижской биржи поглощать русские промышленные ценности.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Ломбардо — Коху 1/13 декабря 1898 г.: там же, л. 170.

¹²¹ Там же, лл. 170—171.

¹²² Там же, л. 170 об.

¹²³ Там же.

В чем же причина упорного противодействия Ротштейна парижскому проекту? Здесь опять-таки можно высказать лишь предположение. По-видимому, если бы в России был учрежден банк, в котором преобладало французское влияние, то французские банки получили бы возможность обойтись и без содействия Петербургского международного банка. В том виде, в каком он был задуман Ломбардо и Мэем, он должен был стать главным специализированным финансовым институтом по части промышленных дел. Французский капитал получал в нем идеальное орудие для осуществления своих целей, воздвигая свой форпост в самом сердце России. Выгоды, достававшиеся Петербургскому международному банку, были не так уж значительны. С положением дел на месте он был знаком, конечно, лучше, чем парижские банки, и в этом была едва ли не главная его ценность для них. С другой стороны было ясно, что новый банк мог стать его конкурентом, но крайней мере очень существенно увеличил бы конкурентоспособность его парижских партнеров. А что они поспешили бы использовать банк в своих интересах — это для петербургских директоров должно было быть ясным по опыту, приобретенному ими в связи с деятельностью «Генерального общества». Жалобы их на действия совета общества выдавали равным образом их опасения относительно того, удастся ли Петербургскому международному банку отстоять свои интересы в этом новом совместном франко-русском предприятии. Что же касается «Генерального общества», то оно, как и предсказывал Ломбардо, совершенно сошло со сцены. Все же появление общества было весьма знаменательным событием. В нем как нельзя лучше раскрылась монополистическая природа французского финансового капитала и общее направление проводимой им политики, потому что установление монополии в том или ином виде продолжало оставаться главной целью участников объединения и они шли к этому, хотя и не через «Генеральное общество», а другими путями. Необходимо особо отметить, что в создании общества отразились не временные побуждения французского капитала, а его коренные установки, его основная долгосрочная программа.

Большой интерес представляет в этом плане тот факт, что после кризиса конца XIX—начала XX в., тоже в преддверии нового промышленного подъема, вернувшись к французскому монополистическому капиталу вновь возвращается к той же самой идее создания общества, которое бы монополизировало французские капиталовложения в России. В декабре 1907 г. группа крупнейших французских банков, в которую входили почти все участники старого общества,¹²⁴ обращается теперь непосредственно к Ко-

¹²⁴ В группу вошли: Парижско-Нидерландский банк, Сосьете женераль, Национальная учетная контора, «Геттингер и К°» и его группа, «Креди

ковцову с тем же самым проектом, с каким в 1895 г. Бардак обратился к Ротштейну. Предлагалось образовать франко-русскую банковскую организацию для финансирования русских предприятий. Как в свое время Ротштейн, так теперь Коковцов «ухватился за этот проект обеими руками».¹²⁵ Он немедленно вошел в переговоры с четырьмя крупнейшими русскими банками и уже в начале 1908 г. в Париже, при участии представителей Петербургского международного, Учетно-ссудного, Волжско-Камского, и Русского для внешней торговли банков, происходит ряд совещаний, кончившихся образованием объединения, воскресавшего «Генеральное общество».¹²⁶ Название нового общества — «Сосьете рюсо франсез д'антреприз эндюстриэль э де Траво публик» («Société Russo-Francaise d'Entreprises Industrielles et de Travaux Publics») повторяет одно из предполагавшихся названий «Генерального общества». Капитал нового общества — 5 млн фр. Распределяется он между русской и французской группами в той же пропорции — 40 и 60%. Это было новое, почти ни в чем не исправленное издание «Генерального общества», его прямой наследник. По неизвестным причинам это уже готовое орудие так и не было пущено в действие, но крайней мере открыто. Независимо от этого учреждение нового общества создает ту историческую перспективу, в которой следует рассматривать значение «Генерального общества для развития промышленности в России».

эндюстриэль э коммерсиаль» («Credit Industriel et Commercial»), Банк де ль'юнион паризьен (Banque de l'Union Parisienne), Банк франсез пур ле коммерс э ль'эндюстри (Banque Francaise pour le Commerce et l'Industrie), Н. Бардак и его группа (см.: С. Ронин. Иностраный капитал и русские банки. М., 1926, стр. 56). Как видно, новые участники — это «Сосьете женераль», «Креди эндюстриэль э коммерсиаль», Банк де ль'юнион паризьен и Банк франсез пур ле коммерс э ль'эндюстри. Однако действительно новыми можно признать только два первых банка, потому что Банк де ль'юнион паризьен, созданный французской Haute Banque в 1904 г., объединял всех ее прежних представителей в обществе, а Банк франсез пур ле коммерс э ль'эндюстри унаследовал ликвидированный Парижский международный банк.

¹²⁵ С. Ронин. Иностраный капитал и русские банки, стр. 55.

¹²⁶ Там же.